

Кротова Анна Андреевна

САДОВО-ПАРКОВЫЙ ТОПОС В ЛИРИКЕ Н. Н. ТУРОВЕРОВА

Садово-парковый топос является одним из самых распространенных в лирике Н. Н. Тuroверова и наполнен как традиционными, так и автобиографическими образами. Транслируя евангельские смыслы, выражая мечты лирического героя о покое души и гармонии природы, являясь метафорой человеческой жизни, сад становится важным пространством художественного мира поэта. Автор анализирует составляющие садово-паркового топоса (образы, мотивы), характерные для лирики Н. Н. Тuroверова и отражающие специфику его художественного сознания.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/9-1/13.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 9(75): в 2-х ч. Ч. 1. С. 52-54. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/9-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

12. П. Несколько слов о чтении книг // Школьные досуги. 1903. № 8. С. 74-85 // ОГЛИМТ. 10677/490 оф. РК. 1521.
 13. Трохина О. М. Гимназии Орловской губернии (XIX – начало XX вв.) // Прошлое глазами историков: К 230-летию Орловской губернии: материалы науч.-практ. конф. Орел, 2009. С. 55-64.
 14. Чертов В. Ф. Русская словесность в дореволюционной школе. М.: МПГУ им. В. И. Ленина, 1994. 130 с.

CLASSICAL GYMNASIUM IMAGE ON THE PAGES OF THE HANDWRITTEN JOURNAL “SHKOLNYE DOSUGI”

Kazeeva Elena Aleksandrovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Ogarev Mordovia State University, Saransk
kazeeva-ea@yandex.ru

The article examines published in the handwritten journal “Shkolnye Dosugi” (1902 – 1903) literary and publicistic texts by A. I. Tinyakov (The Lonely) and E. A. Preobrazhenskiy reconstructing the image of classical gymnasium of the beginning of the XX century. By the concrete examples the paper shows that gymnasium education at the turn of the XIX-XX centuries required cardinal reformation since it didn't satisfy the level of country's development. It is shown that gymnasium image on the pages of “Shkolnye Dosugi” journal differs from that which has been adopted in the scientific works based on archival researches devoted to studying Orel male gymnasium at the turn of the XIX-XX centuries: if in the first case it appears to be a symbol of stagnation and formalism, then in the second case, on the contrary, it comes out to be an educational institution with a considered education system.

Key words and phrases: gymnasium; image; “Shkolnye Dosugi” journal; A. I. Tinyakov (The Lonely); E. A. Preobrazhenskiy; reform; education; article.

УДК 821.161.1

Садово-парковый топос является одним из самых распространенных в лирике Н. Н. Тuroверова и наполнен как традиционными, так и автобиографическими образами. Транслируя евангельские смыслы, выражая мечты лирического героя о покое души и гармонии природы, являясь метафорой человеческой жизни, сад становится важным пространством художественного мира поэта. Автор анализирует составляющие садово-паркового топоса (образы, мотивы), характерные для лирики Н. Н. Тuroверова и отражающие специфику его художественного сознания.

Ключевые слова и фразы: Н. Н. Тuroверов; садово-парковый топос; сад; поэтика; семиотика; лирический герой; эмиграция; литература русского зарубежья; донское казачество.

Кротова Анна Андреевна
Московский педагогический государственный университет
phaelivrin@mail.ru

САДОВО-ПАРКОВЫЙ ТОПОС В ЛИРИКЕ Н. Н. ТУРОВЕРОВА

Изучению садово-паркового топоса русской литературы посвящено много исследований¹. Термин «топос» в современном литературоведении неоднозначен; в нашей статье используется следующая дефиниция: «значимое для художественного текста (или группы художественных текстов – направления, эпохи, национальной литературы в целом) “место разворачивания смыслов”, которое может коррелировать с каким-либо фрагментом (или фрагментами) реального пространства, как правило, открытым» [7, с. 89].

Садово-парковый топос характерен для русской литературы в целом и частотен в лирике поэтов русского зарубежья первой волны. Пространство сада становится неотъемлемой частью художественного мира М. И. Цветаевой, И. А. Бунина, Ю. К. Балтрушайтиса, Ю. К. Терапиано и других поэтов. Обратимся к истории развития представлений о саде в культуре и науке.

Д. С. Лихачёв так определял основной компонент семантики сада: «Сад – попытка создания идеальных взаимоотношений с природой. Поэтому сад представляется как в христианском мире, так и в мусульманском раем на земле, Эдемом» [3, с. 11]. Сад – это часть природы, которую человек воссоздаёт искусственно рядом с домом в сознательной или бессознательной попытке возвести некий идеальный микромир, подобный небесному Эдему, мир, в котором всё подчинено законам гармонии. Современный голландский русист Й. Ван Баак отмечает: «Moreover, there is another old element here that is closely related to the House Myth – the garden <...> Like the concept of the house, the garden also lies at the foundation of human culture <...> harmony between nature and man <...> The concept of a garden implies a man-made space and order» [15, p. 174] / «Более того, есть другой элемент, который тесно связан с мифологемой Дома – сад... Как и понятие дома, концепт сада лежит в самом основании человеческой культуры... выражает гармонию между природой и человеком... Концепт сада воплощает созданный руками человека микрокосмос» (*перевод автора статьи – К. А.*)

¹ См., например, работы К. И. Шарафадиной, Е. В. Сахаровой, Е. Е. Дмитриевой и др.

На первый план ученый выводит мысль о противоположном разрушительной стихии хаоса *космосе*, воплощением которого на земле выступает сотворенный руками человека сад.

Сад может быть представлен в литературе и как идиллический *locus amoenus*.

В поэзии Н. Н. Тuroверова садово-парковый топос транслирует различные смыслы.

В стихотворении «Осыпается сад золотой...» сад символизирует жизнь человека. Тема осеннего умирания природы широко представлена в русской поэзии и во многих случаях сопрягается со старением и кончиной человека (К. Бальмонт, С. Есенин и др.); возникает образ осени-вдовы (у И. А. Бунина, А. А. Ахматовой). В стихотворении Н. Н. Тuroверова последние годы жизни матери, так и не дождавшейся сына, поэтически облечены в образ опадающих листьев.

Эпитет *золотой*, повторяющийся в произведении два раза, контрастирует с цветом ели – черным. Образ ели, заметной листопадом и колористически резко противопоставленной осенним ярким краскам (эпитеты *золотой*, *голубой* и контекстуальный антоним *черный*), перекликается с образом матери; её (ели) черный цвет – цвет скорби, еще более трагичный на фоне яркой золотой осени: «За окном твоим черную ель / Замела золотая метель» [12, с. 88]. Ель черна, более того – заметна «золотой метелью», то есть теряется, пропадает на золотистом фоне.

Метафора *золотая метель* в стихотворении становится символом времени, убаюкивающего, уводящего природу на недолгий покой, а человека – на вечный. Появляется мотив смерти: о близком будущем матери говорит последняя строка произведения («Недалек твой последний покой» [Там же]). Обратим внимание, что стихотворение написано нетипичным для лирики Н. Н. Тuroверова анапестом. Этот размер придает звучанию лирического текста «убаюкивающую» интонацию. Осенний сон, в который погружается природа, предвещает кончину одинокой матери.

Образ осеннего сада, сопряженный со смертью, встречается и в стихотворении «Хорошо, что смерть сметает наши легкие следы...». Лирический герой задумывается о ходе времени и человеческой жизни: «Хорошо, что смерть сметает / Наши легкие следы, / И вовремя отлетают / Пожелтевшие сады» [Там же, с. 259]. В тексте подчеркивается, что хорошо, казалось бы, не совсем «хорошие» в привычном понимании вещи: хорошо, что есть смерть, хорошо, что «вьюга воет над замерзшею землей», хорошо, в конце концов, что человек обращается во прах. Разве может всё это быть «хорошо»? Да, может, по одной-единственной причине: так устроен Божий мир. Именно поэтому остаётся (что и следует из мысли лирического героя) принять то, что суждено, *смириться* с таким положением вещей.

В поэме «Легион» возникает образ африканского оливкового сада – защищенного, обособленного от внешнего мира места: «Звенит надо мною цикада – / Веселый арабский фурзит: / “Под сенью тунисского сада / Тебе ничего не грозит. / Какая война угрожает / Покою столетних олив?”» [Там же, с. 123]. Образ оливы в русской лирике имеет несколько значений. Особое внимание обратим на значение, о котором говорит М. Р. Ненарокова: «Наиболее частотным значением оливы в русской поэзии является “мир как отсутствие или прекращение боевых действий”» [4, с. 64]. В 9-ой части поэмы «Легион» («Звенит надо мною цикада...») Н. Н. Тuroверова нетрудно выявить этот семантический пласт. «Покой столетних олив» противопоставлен войне, «сень тунисского сада» – пространство безопасности, защищенности (фонетически подчеркнуто аллитерацией). Риторический вопрос подразумевает ответ: никакая война не угрожает и не может угрожать этому покою.

В 3-ей части поэмы «Легион» лирический герой видит за садом пашу, образ жизни которого лишен всякой суety (не говоря уже о войне): «А за садом, в шатре, трехбунчужный, / С детских лет никуда не спеша, / Весь в шелках, бирюзовый, жемчужный, / Изучает Шанфара паша» [12, с. 121]. Трехбунчужный паша представлен Н. Н. Тuroверовым утопающим в роскоши, далеким от всего света. Лирический герой не удерживается от сравнения его размеренной жизни со своей стремительной трагичной судьбой: «Что ему европейские сроки / И мой дважды потерянный кров? / Только строки, арабские строки / Тысячелетних стихов» [Там же]. Тысячелетние стихи, которые не просто *читает*, а *изучает* паша, – символ постоянства, внешнего покоя мира, в котором он находится, мира, разительно отличающегося от того, в котором существует лирический герой.

Образ сада представлен в стихотворении «Элизиум», посвященном русским старческим домам. Заглавие коррелирует с топонимом *Елисейские поля* – знаменитой улицей Парижа, то есть содержит отсылку к биографии поэта (Н. Н. Тuroверов жил во Франции с середины 20-х годов XX в.).

Лирический герой размышляет об Элизиуме, «обетованной стране» [Там же, с. 216]. «Обетованный край», по толковому словарю Д. Н. Ушакова, – место, куда кто-то «сильно стремится попасть» [11]. В Толковом словаре С. И. Ожегова добавлено, что этот край – «счастливый и изобильный» [5]. Таким тихим и спокойным местом для много воевавшего лирического героя становятся сады (или парковые зоны, скверы) при старческих домах («От нас еще ложатся тени, / Элизиум, в твоих садах / Богоугодных заведений» [12, с. 216]). Нельзя оставить без внимания античную традицию, отчетливо прослеживающуюся в произведении. В эпиграфе Н. Н. Тuroверов ссылается на Пиндара, затронувшего в оде «Острова Блаженных» тему загробного воздаяния [5]. На острова блаженных, по Пиндару, попадает тот, кто «сохранил душу свою чистой от всякой скверны» [Там же]. В сознании лирического героя тишина и покой старческих домов, а также садов при них ассоциируются с Элизиумом на земле, которого достойны он и его однополчане.

Символом благополучия выступает в лирике поэта сад, «отягощенный плодами»: «Бог спас деревню от беды! / Поля завалены снопами, / Стоят счастливые сады, / Отягощенные плодами. / Теперь ничто им не грозит / Ни град, ни засуха, ни ветер, / И синева легко сквозит / Сквозь листья <...>» [12, с. 181]. Беда для деревни – неурожай, который может быть вызван разными причинами. Стихотворение начинается с восклицания, в котором констатируется вмешательство высших сил в быт людей: «Бог спас...». Появляется мотив

счастья, зачастую сопряженный у Н. Н. Тuroверова с мотивом детства и образом детей. Дети, по мнению лирического героя, могут быть истинно счастливы. Уместно привести здесь евангельскую цитату: «Иисус, призвав дитя, поставил его посреди них и сказал: “Истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное”» [1, Матф. 18:3]. Детское счастье – это беззаботность, умение жить здесь и сейчас, быть довольным малым. Идеальный, «правильный» ребёнок таков, каким представлен в толковании вышеприведенной цитаты свт. Иоанном Златоустом: «<...> это было дитя в полном смысле, свободное от всех указанных страстей, – дитя чуждое и гордости, и тщеславия, и зависти, и сварливости, и всех подобных страстей, – дитя украшенное многими добродетелями, как-то: простосердечием, смиренном, спокойствием, и которое ни одною из этих добродетелей не гордится» [10]. Интересно и толкование блж. Феофилакта Болгарского, уточняющего, что «нам должно быть детьми по смирению духа (*здесь и далее курсив автора статьи – К. А.*), но не по детству мышления, по незлобию, но не по неразумию» [9]. Именно таким – беззаботным, простодушным, свободным – предстает ребенок в стихотворении «Бог спас деревню от беды!»: «По-настоящему счастливы, / Как день воскресный без забот, / Как звон пчелы домой летящей, / Как этой ласточки полет, / Такой воздушный и скользящий» [12, с. 181]. Анафора (*как*) подчеркивает и утверждает мысль лирического героя. Заключительное четверостишие насыщено образами «летающих» существ: птиц, насекомых; употребляются однокоренные слова («летающей», «полет»); в перекрестную рифму вынесены лексемы «без забот» – «полет». Благодаря избытку «воздушного пространства» создается ощущение, что и сами дети наделены чудесной способностью – летать.

Садово-парковый топос является одним из самых распространенных в лирике Н. Н. Тuroверова. Пространство сада в художественном мире поэта изобилует различными смыслами:

- выполняет функцию пейзажа, на фоне которого разворачивается лирическое переживание;
- служит метафорой жизни человека;
- питает мечты лирического героя о лучшей жизни в земле обетованной;
- служит местом отдыха лирического героя, его размышлений о прошлом, настоящем и будущем;
- плодоносящий сад является символом благополучия, счастья; это значение усиливается благодаря мотиву детства и образу детей, по мнению лирического героя, истинно счастливых.

Список источников

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М.: Российское Библейское общество, 2003. 927 с.
2. Дмитриева Е. Е., Купцова О. Н. Жизнь усадебного мифа: утраченный и обретённый рай. М.: ОГИ, 2008. 528 с.
3. Лихачев Д. С. Поэзия садов: к семантике садово-парковых стилей. Сад как текст. М.: Согласие; Тип. «Новости», 1998. 471 с.
4. Ненарокова М. Р. Язык цветов: олива в русской поэзии XVIII первой половины XIX века // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2015. Т. 21. № 1. С. 63-66.
5. Обетованный [Электронный ресурс] // Толковый словарь С. И. Ожегова. URL: <http://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=17470> (дата обращения: 30.06.2017).
6. Пиндар. Олимпийские оды [Электронный ресурс]. URL: <http://ancientrome.ru/antlittr/pindar/pindar03.htm#c2> (дата обращения: 30.06.2017).
7. Прокофьева В. Ю. Категория пространство в художественном преломлении: локусы и топосы // Вестник Оренбургского государственного университета. 2005. № 11. С. 87-94.
8. Сахарова Е. В. Садово-парковый топос в русской литературе первой трети XIX века: дисс. ... к. филол. н. Томск, 2007. 241 с.
9. Толкования на Мф. 18:2. Блж. Феофилакт Болгарский [Электронный ресурс] // Толкования Священного Писания. URL: http://bible.optina.ru/new:mf:18:02#blzh_feofilakt_bolgarskij (дата обращения: 30.06.2017).
10. Толкования на Мф. 18:2. Свт. Иоанн Златоуст [Электронный ресурс] // Толкования Священного Писания. URL: http://bible.optina.ru/new:mf:18:02#svt_ioann_zlatoust (дата обращения: 30.06.2017).
11. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]: в 4-х т. / под ред. Д. Н. Ушакова. URL: <http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/default.asp> (дата обращения: 30.06.2017).
12. Тuroверов Н. Н. Двадцатый год – прощай Россия! М.: Планета детей, 1999. 303 с.
13. Шарафадина К. И. «Алфавит Флоры» в образном языке литературы пушкинской эпохи (источники, семантика, формы). СПб.: Петербургский институт печати, 2003. 309 с.
14. Curtius E. R. Europäische Literatur und lateinisches Mittelalter. Bern: Francke, 1948. 601 S.
15. Van Baak J. The House in Russian Literature: A Mythopoetic Exploration. Amsterdam – N. Y., 2009. 525 p.

GARDEN-PARK TOPOS IN N. N. TUOVEROV'S LYRICS

Krotova Anna Andreevna

Moscow State University of Education
phaelivrin@mail.ru

Garden-park topos is one of the most popular in N. N. Turoverov's lyrics and is full of both traditional and autobiographical images. Transferring Gospel meanings, expressing lyrical hero's dreams of soul in peace and harmony of nature, being a metaphor of human life, the garden becomes an important space of poet's artistic world. The author analyzes the components of garden-park topos (images, motives) typical for N. N. Turoverov's lyrics and representing the peculiarities of his artistic consciousness.

Key words and phrases: N. N. Turoverov; garden-park topos; garden; poetics; semiotics; lyrical hero; emigration; Russian émigré literature; Don Cossacks.